

Гарри пытался отмахнуться от налетевшей на него стаи сов, словно от надоедливых мух. Большинство пернатых, поняв намек, вернулись на свои места, но не менее полсотни продолжали яростно биться крыльями, стремясь добраться до Гарри. — СТОЙ!!! — раздался крик, прорезавший птичий гам. Напуганные совы взметнулись в воздух, подняв вокруг Гарри вихрь перьев. Он, в свою очередь, спрятался в укрытие, чтобы переждать бурю. — Вы проклятые, чертовы совы! Отвалите! — прорычал Гарри, стараясь снять напряжение и одновременно дать понять птицам, что он о них думает. — Я не могу открыть все письма сразу. Вернитесь, и я вас позову! Возмущенно улюлюкая, нахальные совы вернулись к своим собратьям, терпеливо ожидая дальнейших распоряжений. Гарри с досадой вздохнул и приготовился к долгой и нудной работе по разбору почты. — Так, есть ли почта из Министерства? — спросил он, и две напыщенные птицы величественно взмыли в воздух, доставив строгие и официальные письма. Решив не вскрывать их, пока не разберет все по порядку, Гарри сложил их в стопку и пошел дальше. — Дамблдор? — прошептал он, и в воздухе появилось одно письмо. — Снейп? — Три письма, стопка газет и бандероль, в которой лежала небольшая брошюра, очевидно, служившая министерству способом оповещения населения о поражении Волдеморта. Снейп, очевидно, делал еженедельные доклады, не получая от Гарри никаких указаний относительно частоты этих докладов. Они составили вторую кучу. Гарри посмотрел на оставшихся сов и снова вздохнул. Давненько он не получал писем от поклонников. — Все совы от тех, с кем я никогда не встречался, пожалуйста, просто верните своему хозяину, — произнес он. Недовольные, больше половины сов взлетели и улетели через окно, уносясь на крыльях к своим разочарованным хозяевам и хозяйкам. Гарри стиснул зубы и пробурчал: — Любая почта от Сириуса Блэка. Не успел он договорить последний слог, как тридцать или сорок сов снова нырнули в укрытие. Ругаясь под нос, Гарри начал убирать письма. Собираение этой кучи заняло некоторое время. Стопка Ремуса Люпина была меньше — всего три письма, но стопка Рона и Гермионы вместе почти сравнялась со стопкой Сириуса. Стопка от разных членов семьи Уизли тоже была довольно большой. Наконец, с разномастными письмами было покончено, и Гарри сел за стол, окидывая взглядом протянувшиеся перед ним письма. Затем, тяжело вздохнув, он опустил голову и несколько раз стукнул ею по столу. Ему очень не хотелось знать, что в них написано, но в конце концов любопытство взяло верх, и он потянулся к письмам из Министерства. Оба письма были написаны на плотном пергаменте, покрыты различными печатями и важными подписями и содержали почти сотню слов, когда достаточно было и десяти. Одно было официальным извинением, в котором говорилось, что Гарри признан невиновным, и сообщалось, что на его счёт в Гринготтсе была переведена значительная сумма в качестве компенсации за годы, проведённые Гарри в Азкабана. Гарри с отвращением отложил письмо в сторону и открыл другое. Это было официальное заявление о награждении Гарри Поттера Орденом Мерлина I степени. Гарри фыркнул. Великие гады с удовольствием чествовали его сейчас, но они даже не пожелали выслушать его версию, когда возникли подозрения, что он стал тёмным. Из-за этого лицемерия Гарри мог честно сказать, что ему было совершенно безразлично, что он только что получил высшую награду, которую только может получить ведьма или волшебник. Это просто ничего для него не значило. Пожав плечами, Гарри переложил декларацию в другую папку и перешёл к письму Дамблдора. Как Гарри и предполагал, это было одновременно и извинение, и благодарность, и несколько вопросов. Ничего личного, но, скорее всего, Дамблдор прекрасно понимал, насколько низкого мнения Гарри о нём придерживается. Информация, полученная от Снейпа, была интересной, и Гарри провел немало времени, изучая информативные письма и статьи из "Ежедневного пророка", которые его волновали. Снейп подробно рассказал о судьбе оставшихся Пожирателей смерти, которая варьировалась в зависимости от их преступлений. Большинство из них предстанут перед судом через несколько месяцев, когда будет собрана вся информация и доказательства. Снейп также рассказал о некоторых взаимоотношениях Ордена Феникса с Министерством и о наградах, которых они были удостоены за "образцовую службу". Фадж явно игнорировал тот факт, что он значительно усложнил их работу и что большинство

членов Ордена считают его идиотом первой степени. Гарри усмехнулся. По крайней мере, в одном он был согласен с представителями Ордена. Однако газеты, похоже, привязались к Гарри Поттеру как к самой актуальной теме дня. Большинство рассуждений о его жизни в целом граничило со смешным. Однако некоторые идеи, касающиеся его прошлого или нынешнего местонахождения, были почти оскорбительны. Во время раздражённого чтения статьи Риты Скитер, возвещавшей миру о том, что Гарри Поттер трагически покончил с собой через несколько минут после победы над Сами-Знаете-Кем, Добби пришёл с обедом. Гарри ел, не отрываясь от стопки писем. Избегая писем от тех, кого он когда-то считал своими лучшими друзьями и семьёй, он пробирался к разным письмам, получая благодарственные письма от Невилла, Дина, Чо и многих других людей, которых он помнил со времён учёбы в Хогвартсе. Отложив последнее письмо в этой стопке, письмо от старой миссис Фигг, которая, очевидно, была как-то связана с волшебным миром, Гарри в нерешительности принялся за остальные письма. Ему не хотелось их читать. Но в какой-то мере ему хотелось. Поморщившись от собственной растерянности, Гарри взял наугад одно из писем Сириуса и открыл его, заметив, что дата была позавчерашней. Должно быть, ему попалось самое последнее или, по крайней мере, одно из самых последних, поскольку он явно писал не по одному письму в день. — Дорогой Гарри, Я понимаю, что тот факт, что Вы не ответили ни на одно из моих предыдущих писем, скорее всего, означает, что Вы не ответите и на это, но я не теряю надежды. А может быть, я просто отрабатываю нервное разочарование, сочиняя письмо, которое ты, скорее всего, даже не прочтешь. В любом случае, я просто повторяю то, что уже говорил Вам раньше. Мне жаль, что я не верил в тебя так, как ты того заслуживаешь. Мне очень жаль, что я подвел тебя не только как крестный отец и опекун, но и как друг. Я сомневаюсь, что ты когда-нибудь сможешь простить меня, но я точно знаю, что никогда не прощу себя. Из всех людей на этой земле я должен был догадаться, что что-то не так в той картине, которую тебе нарисовали. Я не могу объяснить свою глупость. — Я совершил огромную ошибку, и она могла стоить тебе жизни, — писал Сириус. — Ремус просит меня упомянуть, что, хотя он не написал столько писем, сколько я, он чувствует то же самое. Говорит, что я переборщил с письмами, но я так не думаю. Наверное, я продолжаю надеяться, что ты прочтешь одно из них. Совы не вернулись, так что я даже не знаю, находят ли они тебя, жива ли ты вообще... Я действительно очень волнуюсь... Думаю, что официально я просто болтаю. У меня кончаются способы выразить это, и умение писать письма покидает меня. Я знаю, что не заслуживаю твоего прощения, не после того, как лицемерно обошелся с тобой, но если ты когда-нибудь захочешь вернуться домой, для тебя всегда найдется место, где бы я ни был. Пожалуйста, будь в безопасности. Я скучаю по тебе. Прости меня. Сириус. Гарри скомкал письмо в кулаке и вышел из комнаты, оставив остальные письма на месте. Какая-то часть его души жаждала ответить Сириусу, успокоить его, сказать, что все в порядке, снова стать тем мальчиком, каким он был раньше. Но он не мог. Он уже не был прежним. И уже никогда не будет. Предательство тех, кого он считал своей единственной семьёй, глубоко ранило его, и шрамы от этой боли нельзя было стереть извинениями. Единственная причина, по которой он еще оставался в здравом уме, не имела ничего общего с его друзьями. Они покинули его, и ему пришлось полагаться на судьбу, удачу и ошибки своего злейшего врага. Он не мог снова довериться, потому что всякий раз, когда он кому-то доверял, ему причиняли боль. И Гарри не был уверен, что сможет пережить ещё один подобный ужас. Лучше было просто держаться подальше. Азкабан изменил его, и он знал это. По его реакции на происходящее, по тому, что почти ничто не могло вызвать на его лице искреннюю улыбку, было видно, что он эмоционально травмирован. Гарри понимал это, знал, что когда-нибудь ему придется с этим столкнуться, и целенаправленно отодвигал эту дату подальше. Хотя осознание проблемы - это первый шаг к ее излечению, этого было недостаточно. Он не мог справиться с болью, которую приносили мысли о тех, кого он любил. Еще нет, а может быть, и никогда не будет. Единственное, что он знал, - это то, что он не хотел покидать мир волшебников. Он не был маглом, и хотя это был бы один из способов стать нормальным, Гарри не мог отказаться от своей магической стороны. Это была слишком

большая часть его сущности. Не магия виновата в том, что многие люди, получившие благословение на её использование, были идиотами. Он скорее стал бы отшельником, чем отказался от единственной вещи, которую нашел в своей жизни и которая его устраивала. Именно во время бешеной ходьбы по коридорам своего нового дома ему пришла в голову одна мысль. Кто-то, где-то, завладел всеми его вещами. Хотя сундук с одеждой и старыми школьными учебниками, которые в нём лежали, был теперь для Гарри довольно бесполезен, у него всё же было несколько ценных вещей, которые он хотел вернуть. Например, отцовский плащ-невидимка, а также фотоальбом с драгоценными фотографиями родителей. Его палочку, скорее всего, выкинули, но остальные предметы должны были где-то быть. Эти частички прошлого помогли бы сделать этот огромный замок более похожим на дом, который он мог бы назвать своим. Гарри остановился в раздумьях, почти отчаявшись отвлечься от письма Сириуса, и подумал, не обнаружил ли кто-нибудь его тайник под досками пола в доме номер четыре по Прайвет-Лейн. Именно там, как он помнил, в последний раз находился его фотоальбом. Он старался не думать о той ночи. Он и так часто переживал её на радость дементорам. Сидел себе спокойно, как обычно, в своей комнате, как вдруг его вызвали и потащили из дома на встречу с одним из "друзей" дяди Вернона, оказавшимся волшебником. Пожирателем смерти, который вручил Вернону толстый конверт в обмен на сопротивляющегося мальчика. Не успел Вернон отвернуться и на десять секунд, как Гарри услышал пробормотанное "одурманивай", после чего наступила чернота. Чернота, которая померкла, превратившись в поле боя, полное окровавленных тел и разъярённых авроров, обвинявших его в этой бойне. Как и все остальные. После двухсекундного раздумья Гарри решил прервать своё самоизгнание, чтобы проверить, на месте ли его фотоальбом. Это была его самая ценная вещь, которую он хотел вернуть как можно скорее. Вероятность того, что он всё ещё находится у Дурслей, была достаточно велика, и Гарри нравилось то, что ему не придётся иметь дело с какими-либо магическими существами, чтобы вернуть часть того, что принадлежало ему. А если при этом Дурсли получают ещё и заслуженное возмездие, то кто мог пожаловаться? Ведь они не так уж много сделали, чтобы заслужить это. Джеймс Поттер гордился бы интриганским выражением лица своего сына.

<http://tl.rulate.ru/book/96637/3309214>